

Опытный и скрупулезный этнограф М. Н. Серебрякова обращает внимание на конфессиональные особенности знаковых средств одежды чепни-шитов, их «тайнопись», возникшую в связи с необходимостью скрывать свою веру. Статья ценна обилием народных названий, с переводом и этимологическими сопоставлениями в тюрко-персидских языках. Интересный, но несколько пространный для размеров статьи (с. 158—161) сюжет о шитах вызывает ассоциации с поведением оппозиционных официально православию групп староверов и сектантов в России. Автору хочется задать один вопрос: не возбуждали ли подозрения у преследователей знаковые отличия скрывающихся (ведь тем самым они себя и обнаруживали)?

Конкретная, написанная на основе лично собранного полевого материала работа Н. Ж. Шахановой «грешит» одним недостатком: непереносимое желание объяснить происхождение символических актов (предметных функций) и включить их в ту или иную семантическую классификацию. Такая торопливость пока не оправдана: у читателя не создается впечатления, что автор имеет полное знание о символической системе казахской культуры.

Л. Л. Викторова ставит важный вопрос о причинах устойчивости некоторых элементов знаковой системы в хозяйственно-культурном типе центральноазиатских кочевников. Автор рассматривает во взаимосвязи процессы динамики культурных явлений и элементы стабильности (ориентировка в пространстве, убранство юрты, одежда, пища, система мер).

Для реконструкции сложнейшей символики календарной обрядности корейцев Ю. В. Ионовой явно не хватает материала. Этот «пробел» автор старается восполнить абстрактными рассуждениями о значении символики и семантики, предваряющими конкретный анализ и иногда повторяющимися почти дословно (см., например, с. 191 и 196). Некоторые заявления и формулировки либо неточны, либо устарели, в частности: «Проблема генезиса и происхождения (это не одно и то же? — Т. Б.) календарных праздников... до сих пор не получила однозначного (? — Т. Б.) решения» (с. 195); «Превратные (? — Т. Б.) представления (корейцев. — Т. Б.) о сверхъестественных силах и свойствах... предметов и явлений природы» (с. 195) и др.

В статье А. Д. Бурман привлекает прежде всего принципиальный подход к изучению культурного явления (с. 226). Выбор автором спектакля как «единого комплекса различных текстов культуры» (с. 243) может быть с успехом использован и при анализе традиционной культуры (ритуал, игра, праздник).

Не останавливаясь на статье А. Д. Дуличенко, требующей специального языковедческого анализа, обратимся к двум последним статьям сборника.

У обеих работ единый источник — русский «Лицевой летописный свод». Отечественное рукописное наследие — ценнейший этнографический источник, этнографами пока совершенно не освоенный. Вместе с тем даже первое соприкосновение с ним заставляет по-иному взглянуть на многие стороны традиционной культуры, осторожнее относиться к понятиям «первичное—вторичное», увеличивает диапазон учета элементов символического языка народной (традиционной) культуры. С этой точки зрения появление данных статей в сборнике симптоматично, оно, по крайней мере, ставит перед этнографами вопрос: а что можно конкретно извлечь из этого источника? В последующих замечаниях к статьям я постараюсь указать на некоторые возможности этнографического использования подобных материалов.

Жаль, что в сборнике не предусмотрены иллюстрации, ведь обе статьи построены на миниатюрах — как анализ символики позы—жеста, цвета. К сожалению, «принципиально важная» для В. В. Морозова идея Д. С. Лихачева о попытке миниатюристов «превратить пространство изображения во времени рассказа» (с. 267) остается «ружьём, которое не стреляет». Думается также, что автор более бы преуспел в своем анализе, если бы выявлял «мирской» характер символики дипломатического церемониала в контексте символической пластики иконописно-миниатюрной образности (например, царский писец — евангельский Прохор). Для этнографов могу добавить, что о «бытовизации» библейско-евангельских событий в древнерусской миниатюре говорил еще Ф. И. Буслаяв; «бытовые» сцены миниатюрного канона получали своеобразную интерпретацию в народном изобразительном искусстве (главным образом в росписи). Статья А. А. Амосова посвящена очень важной и крайне не разработанной на восточнославянском/русском материале теме русского цветообозначения имеет существенные разночтения этнорегионального характера как в иконописи (см. специальные труды искусствоведов), так и в народной культуре (все виды изобразительного искусства, фольклор). Особая сакральность цвета (например, всего цветового спектра) скрывалась за как будто бы однозначными понятиями типа *лазоревоый*, *яхонтовоый*, подразумевавшими различные цветовые оттенки; цвет табуировался или менял свою «природу» в соответствии со сменой магических или ритуальных ситуаций, и многое другое.

В конце хочется высказать свое мнение относительно термина «этикетность», которым активно оперируют оба автора. Возможно, он и допустим в отвлеченном искусствознании. Этнографу же необходимо считаться и с церковной, и с народной обрядово-религиозной терминологией, в которой связь человека с Христом (божественными силами) обозначалась особыми символическими понятиями и языком, отличавшимся от терминов коммуникации между людьми.

В заключение подчеркнем научную значимость вышедшего сборника: он рассчитан на более широкий круг специалистов, нежели тот, что указан в аннотации; я бы добавила религиоведов, искусствоведов, филологов, фольклористов.

Т. А. Бернштам

В связи с рецензируемой монографией уместно будет напомнить, что в 1991 г. американские и советские ученые готовятся отметить 250-летний юбилей открытия Северо-Западной Америки участниками Второй камчатской экспедиции под руководством В. И. Беринга и А. И. Чирикова, а также основания Русской Америки. Последовавшие по пути Беринга — Чирикова за ценной пушиной русские промыслово-купеческие суда с командами промышленников завершили последовательное открытие всей цепи Алеутских островов и северо-западного побережья Северной Америки. Началось освоение этих земель, завязались тесные контакты с местным населением. Организованная в 1799 г. Российско-Американская компания обследовала и освоила затем огромную территорию, составляющую ныне южную часть штата Аляска (США). На протяжении века с четвертью (до 1867 г.) эти земли были Русской Америкой, а коренное население их считалось российскими подданными. С этим интересным периодом в большой степени связана исследуемая в рецензируемой книге этническая история алеутов. В дальнейшем основная часть алеутов разделила судьбу аборигенного населения штата Аляска США, а небольшая часть их, поселенная Российско-Американской компанией на Командорских островах и оставшаяся в пределах России, составила один из малочисленных народов советского Севера. Что же касается самой ранней этнической истории алеутов, заселивших островную дугу между Старым и Новым Светом, то она тесно связана с проблемой заселения Америки и именно поэтому вызывает неослабевающий интерес ученых.

Естественно, в рецензируемой работе по ходу исследования этнической истории алеутов мы встречаемся еще и с кругом проблем, касающихся заселения Америки, истории Русской Америки, истории и современной этнокультурной ситуации у коренного населения Аляски, истории формирования и современной жизни командорских алеутов. Именно поэтому книга привлечет внимание широкого круга специалистов, тем более что она написана в живом повествовательном стиле.

Рецензируемая монография продолжает ряд публикаций Р. Г. Ляпуновой, посвященных алеутам. Содержание книги свидетельствует прежде всего о последовательности Р. Г. Ляпуновой: от описания основных хозяйственных занятий алеутов, их орудий промысла, жилища, одежды, различных предметов материальной культуры алеутов, представленной в первой ее книге 1975 г.¹, она обращается к их этнической истории, поставив своей целью проследить этнокультурные изменения у алеутов с древнейших времен до сегодняшнего дня.

Отличительная особенность книги (это в первую очередь относится ко второй и четвертой главам) — опора на фактический материал, строгая документированность изложения. Р. Г. Ляпунова использовала огромное число архивных материалов русского периода истории Аляски, многие из которых обнаружены и введены в научный оборот впервые. Скрупулезная архивная работа, тщательность в отборе и интерпретации фактов позволили сделать изложение этнической истории алеутов насыщенным, полнокровным и строго документированным, внести ряд ценных поправок в утвердившиеся в литературе положения.

Первая глава содержит подробный обзор главным образом новейших работ, посвященных проблеме происхождения алеутов и их ранней истории. Представление о том, насколько большой интерес вызывает «алеутская проблема» в научном мире, дает простое сопоставление первой главы рецензируемой монографии с первой главой «Очерков по этнографии алеутов»², посвященной истории изучения алеутов. За прошедшее десятилетие появилось большое число работ, авторы которых, корректируя и сопоставляя археологические, антропологические, лингвистические и этнографические данные, пытаются уточнить некоторые проблемы, связанные с этногенезом и ранней историей алеутов, или основательно их пересмотреть. В книге освещены взгляды на эти проблемы советских исследователей Т. И. Алексеевой, В. П. Алексеева, С. А. Арутюнова, Р. С. Васильевского, И. С. Вдовина, Н. Н. Дикова, Г. А. Меновщикова, которые при некоторых отличиях совпадают в главном: имеется в виду предположение о заселении Алеутских островов в разные периоды и при значительных контактах с народами Азии. Дается детальный разбор подхода американских ученых, большинство которых принимает допущение о том, что Алеутские острова явились одновременно заселенным ареалом, в котором предки алеутов адаптировались к морской охоте и развили своеобразную культуру. Большое внимание уделено позиции американской исследовательницы Л. Блэк, отстаивающей тезис о полиморфизме в культуре населения Алеутских островов и на этой основе делающей оригинальные выводы, не совпадающие ни с точкой зрения названных советских исследователей, ни с позицией большинства американских ученых.

Давая подробный обзор существующих взглядов на проблему этногенеза и ранней этнической истории алеутов, автор рецензируемой монографии по существу не высказывает в достаточно целостном виде свою собственную позицию, лишь в отдельных случаях давая понять, что то или иное предположение кажется ей несомненным или, напротив, маловероятным. Такая позиция автора не заслуживает, однако, осуждения и свидетельствует лишь о чрезвычайной осторожности в подходе к столь сложным проблемам отдаленного исторического прошлого.

Следует сказать несколько слов об использовании в этногенетических построениях лингвистических данных как в рецензируемой книге, так и в упоминаемых в ней работах. Прежде всего далеко не все имеющиеся на сегодняшний день данные учитываются; часто незаслуженное предпочтение отдается тем из них, которые подтверждают гипотезу, поддерживаемую автором; нередко используются устаревшие лингвистические факты.

Это относится, например, к высказанной в свое время гипотезе Г. А. Меновщикова о том,

что разделение единой изначальной общности на эскимосов и алеутов произошло до заселения ими приморских территорий. Это предположение основано на том, что ученому не удалось выявить общей для эскимосов и алеутов лексики, относящейся к морским животным, морской охоте и т. п., в то время как некоторые слова алеутского и эскимосских языков, связанные с континентальным образом жизни, имеют общее происхождение. В свое время эта гипотеза, вероятно, имела право на существование. Однако в настоящее время можно с уверенностью сказать, что в алеутском и эскимосских языках обнаруживается ряд общих по происхождению слов, так или иначе связанных с морем³.

Недоказанным остается и предположение о влиянии на алеутский язык палеоазиатских языков (с. 11 со ссылкой на Г. А. Меновщикова).

Единственное предположение, которое на вызывает сомнений в настоящее время, — родственные связи алеутского и эскимосских языков (хотя в сравнительно недавние времена это не казалось столь уж несомненным, а при некотором воображении в этом можно усомниться и сейчас). Что же касается хотя бы относительно точной датировки разделения эскалеутского языка на две ветви (эта проблема также затрагивается в первой главе), то здесь возможны разные предположения, и они продолжают высказываться. Строгое следование методу глоттохронологии позволяет получить результаты, указывающие на чрезвычайно отдаленное время расхождения: 7—8,4 тыс. лет назад⁴. Эти цифры, разумеется, ни в коем случае нельзя считать абсолютными: во-первых, потому, что метод глоттохронологии не эффективен на таких лингвистических «глубинах», и, во-вторых, главная и, пожалуй, единственная ценность этого метода заключается в том, что он дает достаточно надежные данные об относительном времени расхождения языков и о взаимоотношениях родственных языков внутри семьи⁵.

В последнее время при рассмотрении эскимосско-алеутской семьи языков высказано предположение, что существующие сейчас алеутский и эскимосские языки представляют собой лишь дошедшие до наших дней остатки некоего языкового континуума; «переходные» между алеутским и эскимосскими языками языки и диалекты считаются утраченными⁶. Однако при отсутствии следов какого-либо иноязычного субстрата, при отсутствии соответствующих археологических данных эта гипотеза, к сожалению, мало что объясняет и, по словам К. Бергсланда, «оставляет возможность для любых предположений»⁷, хотя сам К. Бергсланд склонен считать ее вполне правдоподобной, а родство алеутского и эскимосских языков скорее чрезвычайно близким, чем отдаленным⁸.

Во второй главе монографии, посвященной алеутам Русской Америки, отражена история контактов алеутов с русскими, проанализированы изменения этнокультурного облика алеутов в период с середины XVIII до середины XIX в.

В первой части этой главы описываются ранние контакты алеутов с командами промысловых купеческих судов. Сопоставления различных данных и собственные подсчеты Р. Г. Ляпуновой дали возможность скорректировать общую численность алеутов к моменту появления на островах русских: с 16—20 тыс. (предположение И. Е. Вениаминова) она понижена до 8—10 тыс. Убедительно, на мой взгляд, выглядит утверждение о том, что число алеутов, погибших по вине команд русских судов, явно преувеличено (хотя погибшие, разумеется, были). В частности, автор доказательно опровергает распространенный миф о зверствах русского промышленника И. Сольвева и членов его отряда, от рук которых якобы погибло около 3 тыс. (!) алеутов.

Во второй части главы детально описан переход от массовых стихийных контактов русских промышленников с алеутами к организованному управлению островами, регламентированному хозяйственной деятельностью алеутов в результате образования Российско-Американской компании (1799—1867 гг.). Интересны сведения о достижениях Русской Америки в области просвещения: распространении грамотности, создании И. Вениаминовым (ныне провозглашенным просветителем Аляски) при содействии самих алеутов алеутской письменности, о процессе формирования «алеутской церкви» — православной религии с алеутскими инновациями, ставшей затем главным интегрирующим фактором алеутской национальной культуры.

В третьей главе Р. Г. Ляпунова, опираясь в основном на малоизвестные американские источники, описывает этнокультурную ситуацию, сложившуюся на Алеутских островах после включения их в состав США (конец 70-х годов XIX в. — современность). Говоря о наших днях, она останавливается на существующих программах возрождения культурного наследия алеутов, программах по изучению алеутского языка в данном регионе.

Глава четвертая посвящена этнической истории командорских алеутов. Интерес, проявляемый к командорским алеутам учеными различных специальностей — этнографами, историками, антропологами, лингвистами, не в последнюю очередь объясняется специфичностью этой группы, неоднородностью и многокомпонентностью ее этнокультурных, антропологических и даже лингвистических признаков. Однако без знания этнической истории многие проблемы решить было невозможно: реальная история заселения Командорских островов достаточно сложна, что впервые⁹ достоверно показано в четвертой главе монографии Р. Г. Ляпуновой. Сопоставление документов и материалов, оставленных исследователями прошлого века, в разное время работавшими на островах, позволило выявить динамику роста населения, распределения его по островам, состав населения. Помимо исторической ценности данные, содержащиеся в четвертой главе, имеют большее значение для этнографических и лингвистических исследований. В частности, знание истории заселения о-ва Медный, возможно, поможет пролить свет на процесс формирования уникального контактного языка, возникшего на базе алеутского и русского языков¹⁰.

Можно посетовать на то, что автор, подробно проследившая этническую историю командорских алеутов до начала XX в., лишь вскользь говорит о современном состоянии командорской группы

алеутов, оставляя в стороне подробный анализ миграционных и интерференционных процессов, происходящих в последнее время. На фоне усилившегося в последние годы интереса к современному состоянию малочисленных этнических групп и народностей, в том числе и командорских алеутов¹¹, большее внимание к такого рода проблемам кажется просто необходимым.

Е. В. Головки

Примечания

- ¹ Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.). Л., 1975.
- ² Там же. С. 22—68.
- ³ См. упоминание об этом: Bergsland K. The Comparison of Eskimo-Aleut and Uralic // *Finno-Ugrica Suecana*. 1979. № 2. P. 18.
- ⁴ См. последнюю работу на эту тему: Vakhtin N. B., Golovko E. V. The Relations in the Yupik Eskimo Sub-Group according to Lexico-Statistics // *Études (Inuit) Studies*. 1987. V. 11. № 1. P. 3—18.
- ⁵ Ibid. P. 5.
- ⁶ Краусс М. Э. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 153—154; Woodbury A. C. Eskimo and Aleut Languages // *Handbook of North American Indians*. Washington, 1984. V. 5. P. 49—63.
- ⁷ Bergsland K. Comparative Eskimo-Aleut Phonology and Lexicon // *Aikakauskirja Journal*. 1986. № 80. P. 132.
- ⁸ Ibid. P. 131, 132; Bergsland K. Comparative Aspects of Aleut Syntax // *Aikakauskirja Journal*. 1989. № 82. P. 72—74.
- ⁹ См. также предваряющую книгу публикацию: Ljapunova R. G. Ethnohistoire des Aléoutes des îles du Commandeur // *Inter-Nord*. 1982. № 6. P. 189—203.
- ¹⁰ Вахтин Н. Б., Головки Е. В. К истории формирования языка о. Медный: социолингвистический аспект проблемы // Возникновение и функционирование контактных языков. М., 1987. С. 33—36.
- ¹¹ См.: Асиновский А. С., Вахтин Н. Б., Головки Е. В. Этнолингвистическое описание командорских алеутов // *Вопр. языкознания*. 1983. № 6; Крупник И. И., Членов М. А. Алеуты Командорских островов: проблемы этнографического изучения // *Полевые исследования Института этнографии* 1983 г. М., 1987. С. 45—54; *Рациональное природопользование*. М., 1987. С. 157—207 (раздел «Этнокультурные и социальные проблемы на Командорских островах»).

НАРОДЫ СССР

© 1990 г.

А. И. Микulich. *Геногеография сельского населения Белоруссии*. Минск, 1989. 182 с.

Когда знакомишься с новым научным изданием, невольно возникает вопрос о целесообразности его публикации. В данном случае вопрос отпадает.

В наш бурный век технического прогресса и интенсификации демографических процессов исследования в области популяционной генетики человека приобретают особую значимость, ибо позволяют оценить не только современное состояние генофонда групп народонаселения определенных регионов, что само по себе важно, но дают также возможность по еще не полностью разрушенным (но находящимся на грани этого состояния) локальным сельским популяциям восстановить генезис коренного населения. Монография А. И. Микulich «Геногеография сельского населения Белоруссии» среди работ подобной направленности займет достойное место, тем более что это уникальное исследование выполнено на белорусском материале.

Содержание книги значительно шире названия, так как в ней приведены сведения по географической изменчивости сельского населения Белоруссии на фоне анализа разнообразной демографической ситуации республики. Таким образом, в сущности характеризуются два аспекта состояния популяции: биологический и социальный, причем дается оценка влияния второго на первый.

Автором изучена внутри- и межпопуляционная изменчивость гематологических систем ABO, MN, резус (CDE), Р. Льюис, гаптоглобинов (Hr) и таких легко генотипируемых морфофизиологических признаков, как аномалии цветового зрения, чувствительность к фенилтиокарбамиду (PTC), цвет глаз (светло- и темнопигментированные), оволосение средних фаланг пальцев рук и форма